

Пятно, пущенное в пространство

Ретроспектива работ Юрия Злотникова
в Третьяковской галерее
на Крымском валу

Павел Голубев

Существует мнение, что Юрий Злотников — человек с тяжелым характером. Он крайне жестко отзывался не только о Звездочетове и дуэте Дубоссарский — Виноградов, но и о Булатове, Кабакове, художниках «Лианозовской группы». Однако сам Злотников для критики практически недоступен: он (как бы шаблонно это ни звучало) — живой классик: талант его безусловен, значительность вклада в актуальное искусство не подлежит сомнению. Плюс ко всему Юрий Савельевич постарше будет (родился в 1930-м) тех же Кабакова и Булатова.

Тема пространства, равно как и тема знака, занимает особое место в творчестве Злотникова (одна из серий, кстати, называется «Метафизическое пространство»). Собственно, знаменитые злотниковские пятна, зигзаги, точки, ломаные и плавные линии представляют собой, по выражению самого художника, «знаки, пущенные в пространство». Его работы предельно философичны: чувствуются аллюзии на Витгенштейна и постструктуралистов, в частности — Деррида. Графику и живопись Злотникова можно «читать» как текст (текст тут как бы «стоит» за изображением). Правда, многое «прочесть» нельзя, и дело даже не в том, что авторский код весьма сложен: в самих работах есть определенная незавершенность, незаконченность, а значит, и отсутствие возможности более или менее точной интерпретации. Впрочем, это — еще одна характерная черта картин Злотникова, их специфика, их очарование.

Сам Юрий Савельевич чрезвычайно энергичен, что,

безусловно, находит отражение в его работах. В некоторых из них, как, например, в «Первом и втором дне творения», присутствуют даже специальные «знаки энергии», являющиеся в каком-то смысле центрами динамики. Здесь же — всевозможные кардиограммы, сосуды, схемы, фрагменты чертежей. Казалось бы — очень хорошая, продуманная, грамотная, отчасти технократичная абстракция — «песнь песней» 60-х, «оттепели». Однако, глядя на картины Злотникова, ощущаешь присутствие чего-то древнего, почти средневекового. «Когда Матисс приехал в Россию, — говорит Злотников, — он был восхищен: «Здесь такая замечательная природа! Здесь же можно черпать огромное количество ресурсов для творчества!» Мне кажется, он был абсолютно прав. Есть нечто трагическое, цепляющее за душу в русском вечном поиске счастья, в обычае надевания белой рубахи, в прыжке через костер Снегурочки (хоть сказка о ней, если я не ошибаюсь, немецкая). Искусство пришло к нам из Византии, из Средиземноморья. Я считаю, что средиземноморье еще себя не исчерпало. Я тоже чувствую связь с ним, историческую преемственность. Мне нравятся, к примеру, фрески Дионисия: они великолепны, это — колоссальный ресурс!»

В его работах есть что-то от идей логического позитивизма: Геделя, Карнапа, Бертрانا Рассела. Злотников считает, что языковая сторона очень важна. Присутствует и определенная метафизика, но несколько иного рода: художник полагает, что метафизичность — это те ресурсы, которые скрываются в биологии...